

18+

АНАТОЛИЙ ЕХАЛОВ

В истоках Ваги

Анатолий Ехалов

В истоках Ваги

«Издательские решения»

Ехалов А.

В истоках Ваги / А. Ехалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515443-9

Верховажье — удивительный край Русского Севера, сохранивший свои обычаи, обряды, песенное наследие. Здесь никогда не было крепостного права, на эту землю никогда не ступала нога завоевателя. Здесь живет тот самый глубинный народ, о котором не ведают в столицах. В центре этого повествования — глава крестьянского хозяйства Александр Мызин, держатель самого большого на Вологодчине льняного поля и фермы, на которой царит любовь и взаимопонимание между людьми и животными.

ISBN 978-5-00-515443-9

© Ехалов А.

© Издательские решения

Содержание

В истоках Ваги	6
Параллельный мир	6
Купцы и ямщики от Ваги	10
Борозда длиною в жизнь	15
Плуг Микулы Селяниновича	18
Чемпион из Верховья	20
Наследники	22
Записки из старого портфеля	27
«Под скрип телег...»	28
Под андреевским флагом	33
Трудовое студенчество	34
Нижнее Кулое	37
Верховье	39
Поклон льну	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

В истоках Ваги

Анатолий Ехалов

© Анатолий Ехалов, 2021

ISBN 978-5-0051-5443-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В истоках Ваги

Параллельный мир Предисловие

Это предисловие написал известный кинорежиссер и журналист из большого города, попавший однажды на сельский праздник в Верховажском районе и потрясенный увиденным.

«...Вологдчину я полюбил заочно, когда еще ни разу в ней не был. Так же, как и многие, я любил слушать советский «хит» «Песняров» про Вологду, слышал краем уха о вологодском масле и считал «сказочным персонажем» писателя Василия Белова. Вот и все, что я знал о Вологодчине. Теперь я люблю ее всем сердцем. И считаю этот край – местом, где Бог выводит хороших людей, а потом «сеет» их по России. Впервые я стал догадываться об этом, когда посмотрел документальный фильм «Вологодский романс», который в начале 90-х сделал очень хороший человек по имени Александр Сидельников. Соавтором у него был Анатолий Ехалов. Это имя я увидел впервые в титрах. Еще подумал «Надо же, какая фамилия интересная – «Ехалов»!.. Наверное, псевдоним»... Мне сказали, что живет такой уникальный человек, самородок, который не только сам – плоть от плоти вологодский, так еще и собирает вокруг себя всех, кому дорога родная земля...

Фильм «Вологодский романс» меня поднял над землей, встряхнул и больно швырнул о землю. Я пересматривал его много раз и всякий раз мокрыми глазами. Уж больно тяжело смотреть на уходящих и вымирающих как вид лучших людей России... Я бы назвал их

«Божьими людьми». Потому, что они живут честно. Я понял, что надо быть похожим на героев этого фильма. А если не получится, то надо сделать все, чтобы эти люди не вымерли, не забылись, не исчезли из России навсегда, как исчезает все душевное, бесплатное и родное – все русское в эпоху капитализма. Потом я узнал, что Сашу Сидельникова убил снайпер у Белого дома в дни бесстыдной и странной революции осени 1993 года. Оператора и режиссера Сидельникова эта «революция» убила буквально. А всех нас – образно и в переносном смысле. Хотя, как сказать... С той поры начался отсчет еще более быстрого вымирания русского народа и основы России – ее деревни. С той поры хозяйничать в России стали нехорошие люди. В те подлые времена, когда карежилась совесть, я мечтал только об одном – поехать в Вологду и послушать уже «живьем» всех тех чистых людей, которых я увидел в фильме «Вологодский романс», другом Анатолия Ехалова, которых снял Саша Сидельников.

И вот я приехал в Вологду и мы познакомились с Анатолием Константиновичем Ехаловым. И Вологда – не сразу, но постепенно, – стала раскрываться мне из поездки в поездку. Не было никакого особенного плана или маршрута. Мы просто стали дружить. И часть вологодского, вернее, ехаловского мира, стала и частью меня

И теперь, когда я возвращаюсь из поездок из края, где живут лучшие люди России и русского народа я так и говорю всем: «Я к вам с приветом от людей, которых почти похоронила остальная страна, живущая между офисом и парковкой, между телевизором и супермаркетом, между Фейсбуком и отпуском в Черногории-Турции»...

Чтобы понять, что происходит с нынешней Россией и почему то, что с ней происходит, – плохо, надо разобраться, что именно страна, добровольно отказавшаяся от своей деревни, теряет. Эта страна только думает, что живет, как хочет. Она уверена, что ест, что пожелает, берет только выгодные кредиты и выбирает власть, которая нравится. На самом деле мы делаем, покупаем, едим только то, что нам подsunут. Достаточно вырубить только один рубильник, перерезать один кабель, не подвезти хлеба и колбасы только один день и вся наша свобода выбора посыпется прахом и жизнь остановится. Как обесточенный эскалатор, везущий вас вниз.

Но жизнь не остановится на селе. Оно почти не зависит от городских угроз и глупостей. От «рубильника». Нынешняя карантинная лихорадка и страх перед ничтожным вирусом, это хорошо показали.

Слаб городской человек, сбившийся во многомиллионную кучу. Слаб, да еще и тяжело болен. Прежде всего морально, психически. Мне понравилось, как дома-коробки, строящиеся в огромном количестве для бегущих со всей России в Москву и Петербург, назвали «человейниками». Тот же муравейник – только для людей. Скажем себе честно, что в «человейнике» мало шансов вырасти гармоничному здоровому и, главное, свободному человеку!

Это так бесконечно и безнадежно далеко от тех людей, которых я встречал, почитай, в каждой вологодской деревне. Они для жителей мегаполисов – инопланетяне!

Друзья! Собратья и сестры по городскому и электронному несчастью! Я видел на деревне живых свободных людей. По настоящему, свободных. Живых жнецов, косарей, шорников, кузнецов и маслобоев, гонял чай с держателем самого большого поля льна на Вологодчине Александром Мызиным и ел козий творог с мёдом в семье ямщика-старовера. Мы топили угольные самовары с хозяином самого большого стада дойных коров и жарили блины на чурочках с мастерицей гончарного дела.

Но сначала мы теребили лён, косили траву и скирдовали сено. Вернее, это делали они на Сельской «Лимпиаде в Липках», а мы им не мешали. Мы фиксировали. Чтобы у нас были доказательства того, что эти люди не просто есть, а они живы. Что они самодостаточны. Что их много. Но их в упор не видят те, кто с утра до вечера втирает нам про «русский мир», импорта замещение и про «пользу санкций» для сельского хозяйства. При этом продолжаю-

щаяся борьба за существование и право жить свободно на земле, которую ведут в деревне эти русские люди, остаётся за кадром, вне интересов политиков, писателей, СМИ и всей нации.

Я объездил полстраны, но не видел равного Анатолию Ехалову по знанию деревни и способности объединять крестьян вокруг праздников. Все, что в последние 30 лет делается живого и честного, чтобы страна услышала про крестьян Вологодчины, вообще про человека земли сделано Анатолием Константиновичем. Даже единственная в России сегодня телепередача про народ «Играй, гармонь!» делается и держится на советах Ехалова.

Но его опасается почему-то всякое начальство, вместо того, чтобы на руках переносить его из деревни в деревню, чтобы учил, как не унывать духом, сохранить поля и домашнюю скотинку. Как беречь народ. Как помнить свое детство. Как видеть будущее счастливой России.

Ведь нация горожан живет только потому, что ее подпитывает деревня. Нация стремится исчезнуть, растаять и потеряться в общеевропейском супермаркете, питая иллюзию, что все можно купить, были бы деньги.

Деньги нельзя есть! Скажу больше. Нельзя питаться с рук потенциального противника. Это вкусно, но не полезно. К тому же, если вас кормит тот, кто не желает вам добра, он может однажды купить вас за еду, когда её станет меньше, чем денег.

Продовольственная безопасность – это не магазины, которые только пункты складирования и продажи. Важно то, чьими руками и совестью сделана еда. Поэтому безопасность России – в сильной и честной деревне. В кооперации крестьян-единоличников.

Я свидетельствую. На селе достаточно работающих, трезвых и не старых мужчин и женщин, способных накормить и обеспечить тылы городов-миллионников. Они не разучились косить, жать, молотить, доить и взбивать..

Им нужна наша политическая и покупательская поддержка. А для этого нужно просто знать, что деревня даже с изменением уклада не потеряла своей изначальной функции кормилицы всего народа.

А ещё в деревне живут крестьяне -то есть люди, несущие крест. Но сколько не напишешь, не покажешь стороннему человеку русской деревни и ее обитателей, все это воспринимается, как лубок, сувенирная продукция, осколки «Играй гармонь», прочей этнографической «мутоты», в которую превратилась наша деревня и все ещё живой крестьянский народ в глазах бездумного и беспечного обывателя, у которого пока ещё есть деньги.

Но даже самые предусмотрительные забывают, что карточку могут заблокировать, а наличные в кубышках может поест плесень или жучки.

Не хочу добивать вас очевидностью тупика, в который загнало себя человечество, уничтожая повсеместно деревенский народ и деревню, но вы не можете не видеть, как хрупок мир без земли, без человека труда. Не было счастья, так коронавирус помог это понять всем. Даже тем, кто не хотел в это верить и это понимать.

Деревня есть. Осталось максимум одно поколение, за которым – никого из продолжателей крестьянского дела не будет. Это значит, что у нас в запасе ещё есть 10—15 лет, чтобы спасти русскую деревню, а вместе с ней и себя от иллюзий, что можно купить все.

Русская деревня хоть и дешево стоит, но не продается.

Нельзя купить традицию и любовь к Родине.

И этих «Божьих людей» Вологодчины нельзя купить. Поэтому их решили... просто извести, уничтожить. И сказать об этом почти некому. В СМИ работают все те же «городские», «электрические», «информационно-продвинутые»...

Ехаловых в стране раз-два и обчелся. Но есть еще серьезные тысячи тех, кого в Кремле именуют не иначе, как «глубинный народ». Народ это действительно обитает глубоко. Как большая рыба старается найти себе яму или омут, чтобы надежнее спрятаться от лихого браконьера. Так и народ наш залег на дно и выныривать не хочет. Пока не поверит, что он нужен.

Что его не сожрут акулы капитализма, не разведут на очередной ваучер или «обязательную вакцинацию»..

Впрочем, наш глубинный народ бывает так доверчив. Потому, что – чист. А «Божьи люди» так беззащитны перед искусным враньем. За что и люблю их без всякой меры. Больно, глубоко и до конца жизни!

Ваш ВАЛЕРИЙ ТАТАРОВ

Купцы и ямщики от Ваги

Недавно мне довелось проехать вдоль реки Ваги от истоков до устья. Было лето, дорога временами шла старинным торговым трактом на Беломорье, временами была пыльна, временами трясковита, временами шла прохладными сосновыми борами. Мы выехали, когда речку Вагу в верховьях ее можно было перейти почти не замочив ног, но через несколько часов утомительного пути вдруг открылось взору слияние двух могучих северных рек: Северной Двины и Ваги, где по величине и мощи Вага не уступала великой древней Ардвие Суре Анахите, что в переводе с санскрита означает – река Двойная Чистая Непорочная – Северной Двине. А что же в древних толкованиях означает – «Вага?»

Светлана Жарникова в своей книге «Золотая нить» говорит, что Вага – это быстрая вода, если использовать для расшифровки санскрит.

...Старинный тракт Москва – Холмогоры. Его можно опознать по булыжной основе да древним еловым аллеям. Сейчас эта дорога за ненужностью пустынна и потихоньку зарастает травой. Еще полтора столетия назад по тракту тянулись бесконечные обозы ломовых ямщиков.

С медами, льняным и коровьим маслом, пенькой и льном, беломорской селедкой, семгой, треской... Ехали в первопрестольную, в новую столицу на Неве.

Село Верховажье, как и Сметанино стоит на этом торговом тракте Москва-Архангельск. Поэтому и село было торговое. И ямское. Здесь две трети населения были купцы и члены их семей. Причем, торговали они очень широко: у них были магазины в Сибири, в Москве, Вологде, Ярославле, через Нерчинск и Иркутск везли товар наш российский в Китай.

Здесь в Верховажье, не путать с Верховьем, Верховажье километров на двадцать ниже по Ваге, ждал меня поэт, историк, краевед, режиссер местного камерного театра Сергей Истомин.

Его голова похожа на клумбу, на которой живописно произрастает куст ныне уже седых кудрей. Глаза его – свет добра, голос радостно взволновал, он торопится поделиться с вами знаниями о родном Верховажском Посаде. И знания эти стоят того.

Первым делом он поведет вас к храму. В руках у него план-чертеж, чтобы наглядно понимать, как выглядел этот собор до разрушения. Это очень важно понимать величие храма, потому что все остальное будет зависеть от этого понимания.

– Смотрите же, вот так выглядел наш Успенский собор до разрушения. Сегодня то, что осталось – это треть высоты, даже меньше. Считается, что он был по размерам самым величественным на всем тракте: от Москвы до Архангельска.

В 1798 году был освящен при невиданном стечении народа. Строили его более 40 лет. Сейчас из былых чудес остались куранты, уникальные колокола, которые лили кустарным способом в деревенских условиях – это тоже уникально.

В 91-м году приезжала экспедиция ленинградских ученых, она выявила в Верховажье – тридцать девять объектов культурного наследия. На охрану поставлен только один, – нет средств для реставрации, ухода за ними, охраны. Сегодня часть их уже утрачена, но небольшая. И для такого маленького села – это очень много.

Знаменитые купеческие дома – это вообще типовые проекты, но они очень красивы, гармоничны, по сравнению с современными зданиями.

Краевед Филлиповский писал в начале 90-х:

«Верховажские купцы вели торговлю с Великим Устюгом, Сольвычегодском, проложили путь через Устюг в Соликамск и торговали в Сибири, в городах Пермь, Иркутск и других, широко вели торговлю на тотемском рынке. Об этом нам рассказывают и таможенные книги Московского государства XVII века.

«Так, 12 января 1633 года «верховажин Яким Федоров, да Посник Давыдов» везли товары в Сибирь на четырех лошадях, а с ними шли еще 6 человек. 27 февраля 1633 года «верховажин Захар Леонтьев ехал в Сибирь с товарами» через Великий Устюг на 6 лошадях, а «с ним пеших 6 человек, да Михайло Иванов на 5 лошадях и с ним три человека пеших», «да второй Федор на 6 лошадях и с ним пеших 7 человек и платили пошлины по «сибирскому проезду». В этот же день через Великий Устюг ехали в Сибирь торговать «верховажин Савва Степанов с товарищами.» « В начале февраля 1652 года «верховажане Еремей Панкратов, да Иван Федоров» приехали в Великий Устюг с Ваги с товарами на 12 лошадях. Здесь наняли других лошадей и поехали торговать в Соликамск.»

Верховажские купцы ежегодно, особенно в зимой ездили торговать в Тотьму, а с тотемского рынка везли в посад Верховажье соль и другие товары. Вот как рассказывает нам об этом таможенная книга города Тотьмы и Тотемского уезда в 1653 и 1675 годах.

«29 января 1653 года „верховажане Бажен Ларионов, Максим Григорьев“ привезли на тотемский рынок и продали рыбы палтуса и трески на 15 рублей 6 алтын 4 деньги, сала варвань – на 4 рубля и заплатили пошлины за рыбу с рубля по 5 деньга, а с проданного сала с рубля по 7 деньга, да за „гостиново“ – по 4 алтына и с трех лошадей – по 4 алтына». (Указ. соч. стр. 572).

8 декабря 1675 года ездили торговать в Тотьму «верховажен Дмитрий Тимофеев с товарищем и Яким Федоров» и продали на тотемском рынке соленого палтуса, трески, ржи, овса, мяса свиного и говяжьего на 25 рублей и купили на рынке за 4 рубля 40 пудов соли. А 11 декабря этого же года «верховажин Григорий Петров, шенкурец Павел Прохоров, кологривец Игнатий Диев, с Пезмы Григорий Иванов с товарищами продали на рынке в Тотьме

соленого палтуса, пшеницы, масла коровьего, мяса баранины, меда, лаптей на 36 рублей 6 алтын 4 деньга. Да они же купили на рынке 180 пудов соли за 16 рублей 20 алтын»..

...Одной из отраслей хозяйства в верховье Ваги издавна являлось лесохимическое производство. Немалую роль в развитии смолокурного производства сыграли поездки Петра I в Архангельск. Правительство Петра I поддерживало действия купечества, предоставляло купцам ссуды и льготы для строительства смолокурных заводов. В начале XVIII века вблизи посада Верховажье, на правом берегу Ваги, в Кулойской волости, Сидоровой Слободе, Терменгской десятина и других местах строятся кустарные смолокурни и организуются производства смолы, скипидара, дегтя.

О далеком прошлом смолокурения в верховье Ваги нам сейчас напоминают «смольни» у некоторых деревень и недалеко от посада Верховажье. Об этом говорит и название местности «Смольноватое», «Смольноватый ручей»,

«Смольноватый лог» и другие, где также велась заготовка сырья и было организовано производство смолы.

Купцы скупали у крестьян хлеб, льноволокно, льняное семя и другую сельскохозяйственную продукцию, которая также отправлялась на рынок.

Проявились в 19 веке на Ваге даже чугунолитейный завод, бумажные фабрики...

...Но вернемся к Сергею Истомину, который тоже исследует историю Посада и в немалой степени, купечества. – Вот это знаменитый дом купца Нератова, – показывает Сергей Николаевич на двухэтажный крепкий дом, похоже срубленный из лиственницы. Дом в прекрасном состоянии. Всем видом своим он говорит о своей значимости среди прочих.

– И хозяин его был удивительным человеком. Сохранилось много воспоминаний о нем и фактов из его жизни. А вот здесь, в этом купеческом доме, рядом с ним вернее, стояли теплицы, оранжереи. И представьте, лет 150 назад наши предки выращивали в теплицах, оранжереях виноград, персики, миндаль, арбузы.

Сохранилась полная опись, мебели, посуды из дома Нератова. Меня очень удивляет стол красного дерева обеденный на 20 ножках на колесиках, раздвижной. То есть, у них в нашей глуши было невероятной красоты убранство.

Надо сказать, что авторитет среди населения у Нератовых очень высок был. После революции их не громили, не отправили в тюрьму, не расстреляли, и оставили жить с миром. По две комнатки на втором этаже выделили, и уж потом потихоньку вытеснили из нашего Верховажья.

Нератовы разъехались сначала в Москву, потом в Архангельск, в Петербург, где у них были магазины и друзья. Они вынуждены были скрывать свое происхождение. Сейчас мы с их потомками определенные связи устанавливаем – приезжают к нам в гости. Кто-то дает концерт благотворительный, кто-то в наших архивах сидит, узнает о своей семье то, что не рассказывали родители им. И потихоньку купеческие дома мы ставим на охрану.

Ну, и сегодня Верховажье остается торговым, купеческим селом. Хочется, хочется вернуть слово «посад». Чтобы у нас было не просто село Верховажье, а село Посад Верховажский. Или Верховажский Посад. Такие наши мечты.

Традиционная Алексеевская Ярмарка, как и раньше, собирает очень большое количество людей. Кроме торговли, здесь еще и развлечения. К нам съезжаются тысячи и тысячи гостей и торговцев. А раньше ярмарка проходила в конце марта, когда еще и санная дорога сохранялась, было холодно, продовольствие не портилось. Ярмарка собирала по 12 тысяч человек, когда в самом посаде проживало не более тысячи человек. Верховажский Посад был маленьким – менее тысячи человек проживало. И в основном это было купечество и его семьи.

...В Верховажье было на конец февраля довольно холодно. Ночью термометр опускался до «минус двадцати пяти». И днем было не теплее. Одно слово: Север! Я вспомнил про виноград и ананасы, росшие здесь два с половиной столетия назад, крикнул и стал действительно звать Истомина под крышу. Его кудрявая седая голова была не покрыта.

Знаменитый уже Верховажский камерный театр, которым руководил Истомин, располагался в бывших купеческих складах. Сохранились даже металлические балки, на которых когда-то висели на крючьях мороженные телячьи туши. При советской власти помещение это использовалось как конюшня, гараж, но сегодня стараниями энтузиастов бывший склад стал светочем культуры в этом сумрачном краю, в котором нередко зимой играют на небе сполохи северного сияния.

В театре каждый день расписан по минутам. В этот день здесь готовились к вечернему спектаклю, а сейчас шла репетиция фольклорного мужского коллектива, которым руководит глава Верховажского муниципального района Александр Дубов. В составе ансамбля председатель районного суда, начальник управления сельского хозяйства и иные известные в селе люди. Под белеными каменными сводами театра мужской ансамбль звучал удивительно слаженно и волнующе. Пели старинную, долгую, протяжную песню. И образы ее словно оживали под этими купеческими сводами. Дубов рассказал:

– Песня о возвращении рекрута домой через 25 лет царской службы. Ехал полк от Питера до Москвы, далее до родной деревеньки, остановились, попросились ночевать. Нас, говорит, немножечко полтора сто пешеходов, а триста семьдесят, да все на конях, вот. И она выносит им братию, вдовушка, он снимает свое кольцо, кладет братию, отпил, подает ей, не узнаешь ли ты колючко? Он говорит: узнаю, мужа моего.

– Да, если ее петь до конца, то она очень долгая, да предки никуда не спешили, тем не менее успевали больше нас. И дом построить, и детей нарожать, и так далее. сегодня вы везде спешим, а у одного получится – и то, слава Богу. Если про детей говорить – Размышляет над песней Александр Дубов. И как руководитель ансамбля с точки зрения музыкальных традиций, и как глава района, с точки зрения социально экономической.

– Тракт Москва-Архангельск. Это была основная торговая дорога. Поэтому село было торговое. Здесь две трети населения были купцами. Торговали они очень широко: у них были магазины в Сибири, были магазины в Москве. И, по легенде, у нас здесь был такой Максим Рудаков – купец, его называли чайным королем. По легенде Петр Первый сам его попросил

наладить связи с Китаем. И вот он торговал с Китаем чаем. Это был иван-чай, то есть, он возил в Китай чай, а сюда привозил меха и всякие китайские шелка и прочее, прочее. Ямская станция была у нас между Верховажьем и Верховьем – такая деревня Потуловская или Вакомино. И даже поговорка такая была: «Если б не Вакоминские воры, да не Шелотские горы, так до Вологды – рукой подать».

Но в этой книге мы поведем разговор в большей степени об земледельческой культуре края, о крестьянах Ваги, которые сохраняют земледельческую традицию, несмотря на все сложности и трудности нашего времени.

...

Борозда длиною в жизнь

Эти стихи к празднику написал Сергей Истомин, краевед, режиссер самодеятельного театра, поэт, влюбленный в свой Верховажский край «до конца, до тихого креста.»

И этими стихами открывали мы лет десять назад праздник первой борозды. Праздник был областной, традиционный, в Верховье, в Сметанине он проходил не впервые. Инициатором его стал фермер Александр Мызин, он мечтал, чтобы подрастающее поколение приобщалось к профессии земледельцев. Не зря же в программе соревнований на лучшего пахаря две номинации.

Первая до 18 лет, вторая – старший возраст. Но на таком уровне праздник проходил впервые. Приехали на него и вице-губернатор области Николай Костыгов и первый заместитель губернатора по селу Сергей Громов.

Стихи Истомина я записал, хотя не знаю, помнит ли сам Истомин эти вирши. Он – человек души восторженной, и рождает такие поэтические посвящения буквально на коленке. Но у меня они сохранились. Вот эти стихи к празднику в Сметанине:

... Село Сметанино лежит.
Живут в нем золотые люди
И каждый чем-то знаменит.
Хозяйки наши – пирогами,
И над деревней – дух такой:
С черникой ягодой, с грибами.
Зайди свободно в дом любой!
Крестьян традиции живые,
И не запущены поля.
И вновь цветут святые нивы,
Еще жива моя земля...
Еще мычат в селе коровы,
Вон ферма новая стоит...
А на пригорке трактор новый,
И каждый фермер – знаменит
А в школе старой и знакомой
Всегда звенит ребячий смех...
И девушки идут в обновах,
Они у нас красивей всех...
И Могутов своей гармошкой
Народу сердце веселит,
А из открытого окошка
С улыбкой бабушка глядит.
И всю родимую сторонку
Венчает храм своим крестом...
И колокольный звон негромкий

Звучит как прежде над селом...

Плуг Микулы Селяниновича

Эта встреча на кромке Мызинского поля была десять лет назад. Посевная уже закончилась, и только после этого департамент сельского хозяйства собрал на праздник лучших пахарей со всей области.

На линейке готовности на краю обширного поля, на котором только-только проклюнулась первая травка, замерли тракторы, самых современных моделей.

Кстати, все тракторы из Верховажского района. Их десятки, к ним приковано внимание участников и гостей соревнования. Две старенькие уже бабушки удивленно разглядывают машину американского трактора «Джон Дир», оснащенного и компьютерами, и мобильной связью, и системой навигации. Пахать на таком тракторе можно не выходя из кабинета.

Восхищение у бабушек вызывают тракторы, которые выпускает Белоруссия...

– Знаем, знаем. Этими «белорусами» все наши поля подняты. А мы-то, милой, еще на лошадках пахали, на тракторах колесниках, ХТЗ, НАТИ, Фордзон... Война, жили впроголодь, на трудодень дадут сто граммов какого-нибудь лома... Вот и все...

Бабушки отправились дальше осматривать современную технику.

Трактористы из Устюжны, Бабаева, Грязовца, из-под Вологды... У кого стаж за тридцать, у кого – все еще впереди. Паренек из Кубенского ПТУ уже второй год участвует в конкурсах и не уступает многим именитым пахарям...

Дети! Как много здесь детей, начиная с колясочного возраста, дошкольного. У него еще соска во рту, а он уже тянет руки к тракторам.

А вот девчонки с отличительными надписями на футболках: «АККОР», что означает – ассоциация крестьянских хозяйств и кооперативов. Александр Мызин – один из лидеров этой общественной организации, которая призвана защищать интересы российского крестьянства.

Девчонки приехали из Бабаевского района. А учатся в сельско-хозяйственном техникуме.

Я подошел к ним с тестовым вопросом, на котором не раз проверял общественное мнение у молодежи в отношении сельского труда и жизни в деревне.

– Вот, – говорил я, – есть замечательный, довольно состоятельный молодой человек, который ищет себе спутницу жизни. У него пять коров, десять бычков на откорме, сто гектаров земли, трактор, дом пятистенок... Пойдете за такого замуж?

– Так пошли бы замуж за владельца пяти коров?

– Пошла бы, – сказала Ольга из Бабаева. – Только я бы поставила условие: чтобы купил еще коня. И увеличил стадо коров, хотя бы до двадцати...

...Но вот прозвучал сигнал готовности. Из деревни привели могучего коня. Конь, видимо, застоялся и рыл копытом землю. Первую борозду доверено было проложить хозяину крестьянского хозяйства, на землях которого проходили соревнования, фермеру Александру Васильевичу Мызину. Мызин, хоть и невелик ростом, но по-крестьянски крепок, и в руках сила не малая.

Вот взялся Мызин за рукоятки плуга и еле-еле удержал его. Конь и воистину был для сказочного богатыря Микулы Селяниновича. Мызин едва поспевал за конем, а плуг то и дело норовил выскочить на поверхность пашни.

Однако, упорства Мызину не занимать. Уперся и заставил коня идти спокойно и ровно. И пошла борозда прямая и глубокая, какой когда-то гордились наши отцы и деды.

Тысячи и тысячи поколений земледельцев прошли по нашей Земле. Была когда-то задолго до нашей эры земледельческая цивилизация в Междуречье между Тигром и Ефратом. Когда ученые расшифровали шумерские письма, оставленные клинописью на глиняных табличках, то пришли в потрясение: урожайность зерновых у шумеров составляла сам – сто и сам двести. Это по нашим меркам нам нужно собирать по двести, четыреста центнеров зерна с гектара...

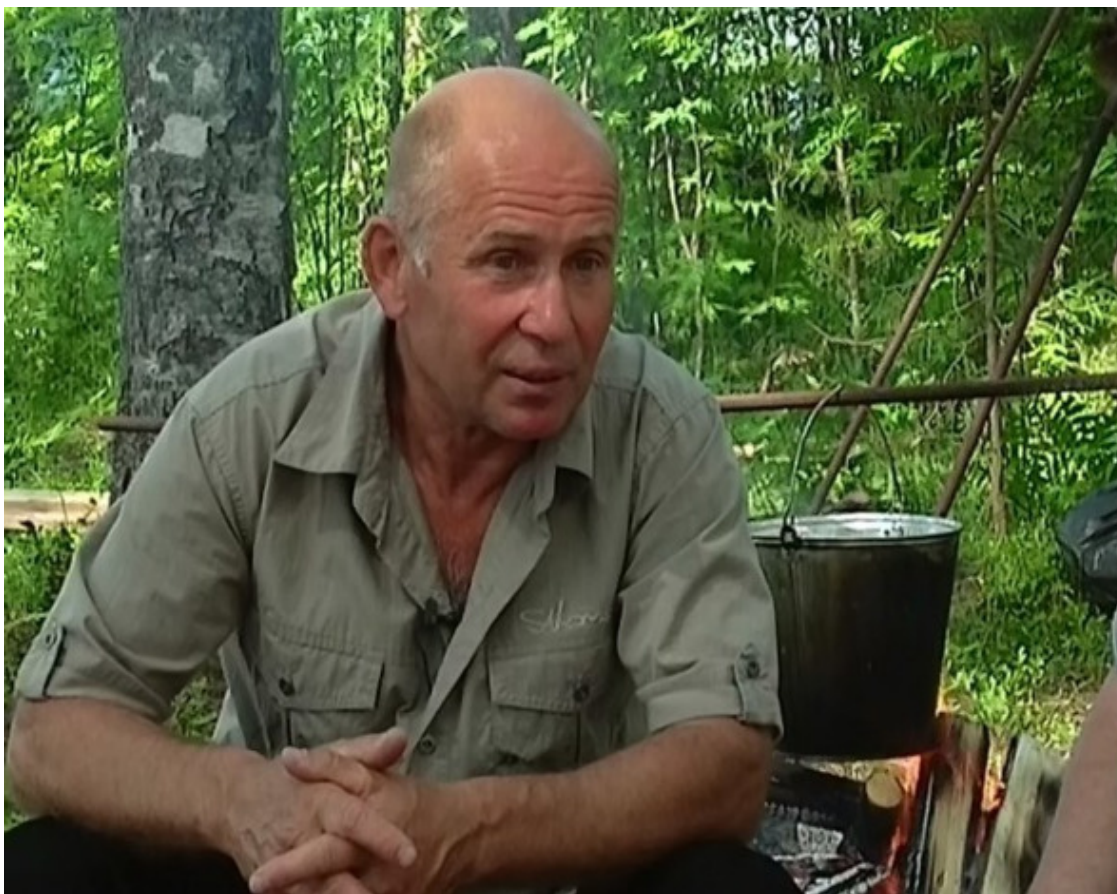
Как же могли они достичь таких результатов?

Но это не все сведения с глиняных табличек. Там говорилось о празднике первой борозды, которую прокладывал сам шумерский царь.

И этим многое сказано...

...Но вот дан старт.

Чемпион из Верховья

А мы уединились в березовом перелеске, где готовился для трактористов праздничный стол, с Анатолием Николаевичем Алябьевым, двукратным Олимпийским чемпионом по биатлону. Анатолий Николаевич родом с Верховья. Из деревни Данилково. Живет сейчас в Питере, полковник, преподает в институте физкультуры, профессор...

На родину приехал для того, чтобы довести до готовности здесь в Сметанино центр для подготовки будущих Олимпийских чемпионов из местных ребятшек. Трасса здесь замечательная, отвечает всем международным стандартам.

– Я тоже не думал, не гадал, что буду когда-нибудь спортсменом. Я больше любил на гармошке играть. И начал играть очень рано. И представляешь, меня начали водить по всяким праздникам и посиделкам, чтобы я поиграл. Посадят на табуретку:

– Играй, Толька! Жарь, повеселее.

И вот я играю, а какая-нибудь сердобольная вдова поднесет мне стопочку пивка:

– Выпей, дружок.

И так по стопочке, по стопочке, уже и втягиваться начал. Да еще курить попробовал. А в девять лет, одумался. Бросил все. Гармонь оставил.

Начальная школа от нашей деревни была за несколько километров. Так что каждый день с малых лет тренировки. Осенью – пешком десять километров, зимой на лыжах – десять. Потом мы переехали в Сметанино.

А в седьмом классе, у нас здесь была школьная производственная бригада, свой участок земли, выращивали и овощи и зерновые, лен, я на соревнованиях трактористов стал победителем. Был признан «Лучшим пахарем.» Помню даже рубаху мне подарили.

Биатлон? Батя в двенадцать лет доверил мне ружье. Я – на лыжи и на охоту зайцев гонять. Потом, тир был в школе. Недолго поработал учителем физкультуры в Верховажье. А уж в армии — пошел и пошел... Деревенские дети к нагрузкам привычные, а лыжи – считай, с ними и родились...

Во время Олимпиады-80 в Лейк-Плэсиде лучшим среди биатлонистов стал Анатолий Алябьев. Он получил медали во всех 3-х видах программы: две золотых, одну бронзовую.

Драматичнее всего проходила индивидуальная гонка на 20 км. Вот что писала о ней газета «Советский спорт»: «Тем временем на дистанции разворачивалась нешуточная борьба – за победу сражались Анатолий Алябьев и немец Франк Ульрих. Ульрих бежал быстро, но много „грешил“ на стрельбище, Алябьев же бил без промаха.»

Пока мы общались с Алябьевым, в поле бились за победу трактористы. Сам Мызин не участвовал в соревнованиях. Два его младших сына Илья и Иван показывали свое мастерство. Третий сын Мызина Артем служил в это время в армии.

Наследники

В организации этого праздника я играл не последнюю роль. Поэтому предложил в основу его положить наследственный, династический принцип. В сельском хозяйстве без наследников нельзя. Наверное, поэтому и семьи в этих краях традиционно большие. Семеро детей – это явление рядовое. А вот девять, одиннадцать – это уже норма. Я еще расскажу о больших семьях Верховья. Не зря наши враги говорили, что из русских деревень народ не вычерпать.

В Верховье таких династий несколько...

Вот буквально стеной стоят Астафьевы из Нижнего Кулое. Глава семьи, патриарх рода, потомственный крестьянин, Вениамин Семенович Астафьев.

Плечом к плечу – его сын, тракторист Астафьев Сергей Вениаминович, рядом Михаил Сергеевич Астафьев, главный инженер СПК колхоза «Нижнее Кулое», Татьяна Вениаминовна, главный экономист районного управления сельского хозяйства, Андрей Николаевич Астафьев, инженер, Владимир Вениаминович Астафьев, председатель СПК колхоз «Нижнее Кулое», Алексей Владимирович, студент Вологодского Политехнического, Сергей Владимирович, студент Вологодской молочной академии.

Заметим, СПК колхоз «Нижнее Кулое», зарегистрированный в 2001 году в деревне Урусовская – самое крупное сельхозпредприятие Верховажского района, занимающееся молочно-мясным скотоводством. На долю колхоза приходится почти 30% всего произведенного в районе молока. Деятельность ведётся на собственных сельхозугодьях, насчитывающих более 3,5 тысяч гектаров. В настоящее время у колхоза три фермы по производству молока, три телятника, зерносушильный комплекс и кормоцех по приготовлению концентратов из зернофуража.

...А вот еще династия – семья Мызиных. Нина Петровна Мызина рядом с сыном кажется воробышком. Но она – большуха, старшая в семье, мнение и оценки которой не оспариваются.

Но вот гармонист Дубов заиграл русского. И не выдержало ретивое у ветерана колхозного производства, некогда передовой трактористки, которая со своим плугом побывала на всех верховских полях. Выскочила она в круг в свои восемьдесят четыре, заплясала, запела:

Я на тракторе работала
В ночную сменушку,
Шибко стучает мотор,
Расстраивает девушку.

И пошла одну по за одной сыпать частушки своей молодости:

– Карбюратор засорился,
Магнето искры не даст.
Задушевная подруга,
За... с работой нас.

Тут уж все сидящие в перелеске земледельцы грохнули. Ох, и озорная бабушка.
– А что, ребята, не правда, что ли? Из песни слова не выкинешь.
И пошла дальше частить:

Где молоденькие мальчики?
Проклятая война.
Давайте, девушки попляшем.
Ты – одна, и я одна...
У подружки у моей
Голова из трех частей.
Карбюратор генератор
И коробка скоростей
От деревни до деревни
Огонечка не видать.
Я на тракторе приехала,
Чтоб друга повидать.

У Нины Петровны – семеро детей. А сама она из семьи, в которой было одиннадцать. У Александра – трое. Видимо, некогда ему было заниматься расширенным воспроизводством: новые формы хозяйствования, кризисы, которые сотрясали страну и деревню, не позволили ему занять больше детей. Теперь сыновьям придется поправлять ситуацию. Вот и Нина Петровна об этом:

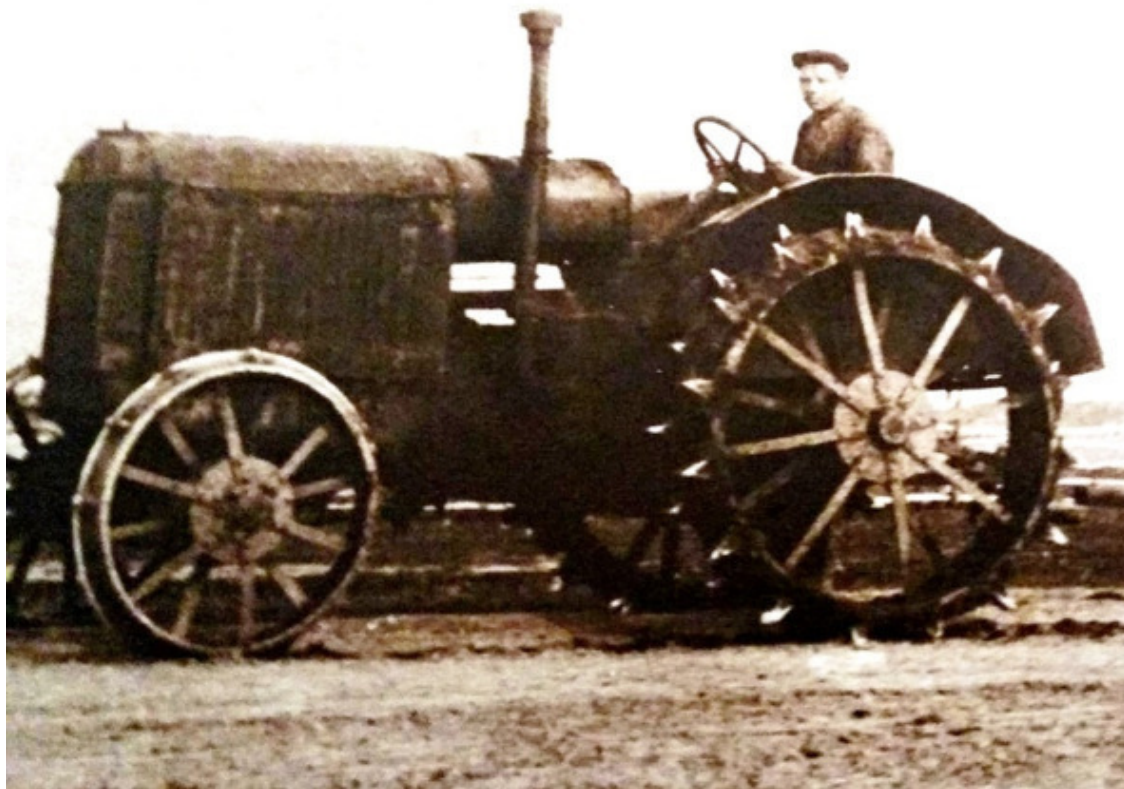
– Семеро детей, тринадцать внуков, шестеро женатых да семеро не женатых пока... восемь правнуков. Да еще, думаю, наплодится сколько. А я в декретах не сидела, на тракторе ХТЗ работала, сама и ремонтировала, в поле вкладыши шабрила. Ручку заводную крутить надо. А тяжело. Если зажигание неправильно выставишь, так как даст – отдача. Того гляди, и саму зашибет. Лен теребила на льнотеребилке, все делала. Молодости мы не видели. Молодость наша в борозде прошла.

Охота на беседу сходить, а так упетаешься – сил нет. А все равно, гармонь услышь – сердце готово из груди выскочить, а ноги в пляс идут, а сама, как старый трактор:

Карбюратор не сосет,
Свечи не работают.
В клапанах – большой зазор,
Поршни сильно хлопают...

Тут в разговор включился Сергей Михайлович Громов, бывший в ту пору первым заместителем губернатора по селу:

– Вот мы сюда ехали, меня спрашивают, когда увидели столько новой современной техники на поле: « Вы что, со всей области что ли ее собирали?»

– Да нет же, вот Мызин не даст соврать, вся техника Верховажская. Вот такие труженики деревни, как Нина Петровна на тракторах ХТЗ, вытащили страну из разрухи, накормили ее, а сегодня надо молодым, используя помощь областного бюджета, федерального, развивать хозяйства на самом современном уровне.

На такую технику, которая стоит миллионы, абы кого не посадишь. Тут нужны грамотные, образованные специалисты. Надо их готовить, чтобы он знал и компьютерные технологии, и механику, и агротехнику...

– Надо, надо, ребята, думать, как не оставить землю без пахаря, -включилась Нина Петровна.

– Правильно, Нина Петровна, правильно. Вот и мы думаем об этом. Сейчас начала действовать программа по жилью. Для учителей, врачей, специалистов, приезжающих на село по строительству для них жилья. Так вот 40 процентов стоимости берет на себя государство, 30 процентов – областной бюджет, а тридцать остальные – может взять на себя хозяйство. Если с деньгами не получается сразу, то можно оформить ипотеку на пятнадцать лет на остальную сумму. Это я говорю про ипотеку для хозяйства. И эта программа очень эффективно работает. За четыре года в области построено 440 домов на селе. Да каких! Капиталисты позавидуют...

Тут и сам Мызин, глава хозяйства подключился. А хозяйство у него не малое. Три фермы, льнозавод, посевных площадей не одна тысяча гектаров. Кадры нужны.

– Мы со школой работаем вплотную. И я часто бываю там, с детьми беседуем о жизни, о деревне, о будущем. И что мы решили: я выделяю участок под лен, так называемые школьные делянки, чтобы дети могли с самого начала понять весь этот процесс возделывания льна. От вспашки, посева, обработки, тербления, расстила, подъема. Мы хотим, чтобы дети знали

эту культуру, понимали, какое значение имеет лен в жизни русского человека, как работали с ним наши предки, и как работаем мы сейчас в условиях механизации.

Надеюсь, что эти семена дадут в душах наших деревенских мальчишек и девчонок добрые всходы...

Почему я это делаю, потому тревожусь, что школа в России стала отрываться от земли, от наших реалий. И только запах весенней пашни может родить в человеке земледельца, самого главного на земле труженика.

Я надеюсь, что и сыновья мои пойдут по моей тропе. Вот Илья уже закончил институт и, думаю, подхватит мое дело. Иван, Артем – всем дела найдется у нас. Но я не давлю, я оставляю свободу выбора.

Сидевший рядом с отцом Илья подтвердил:

– Да что уж там сомневаться. Выбор сделан в пользу деревни.

В этом волшебном перелеске с начинающейся молодой листвой, где целую скамью занимала семья Астафьевых, вторую — Мызиных потомственных земледельцев.

Была еще одна семья – Дубовых.

Александр, потомственный верховский крестьянин, знает, как никто, что такое крестьянский труд.

– Каждое лето на сенокосе. Батя поставит тебя в прокосе впереди, а сам сзади поджимает, коса свистит, того гляди, по пяткам попадет. Нужно темп держать, некогда прохладиться.

Александр учился в Верховской школе. Кстати, Сергей Николаевич Истомин был у Дубова и учителем, и наставником по жизни.

Александр, можно сказать, самородок. С детства научился играть на гармошке, и с этой гармошкой пришел поступать в Вологодское музыкальное училище, в которое без музыкальной подготовки никого не принимали. А Александр и нотной грамоты не знал. Но заиграл на гармошке, и вопрос был решен: приняли.

Теперь они с женой Ириной, которая так же занимается сбором и сохранением фольклора, издали две уникальные книги по народному творчеству. На подходе и третья.

Дубов развел меха и выпел злобу дня:

«Спой-ка, батя, мне про кризис

Как мы дальше будем жить...»

Истомин ему отвечал:

«Саша Мызин поле вспашет,

Так что нечего тужить...»

Записки из старого портфеля

Эти пожелтевшие листы прислали мне из Сметанина от Федора Федоровича Игнатьевского, ветерана советского колхозного строительства, человека-легенды Верховажского района. На них воспоминания о прожитых годах, трудах во благо верховажской деревни. Мы встретились с Федором Федоровичем в деревне Сметанино и дополнили эти воспоминания, долго хранившиеся в потертом председательском портфеле, живыми беседами.

«Под скрип телег...»

Родился я в марте 1928 года в деревне Михайловской Верховского сельсовета Верховажского района. Мне рассказывали потом, что отец мой был болен. Причем настолько, что лежал при смерти. Он умирал, а мама рожала. И вот новорожденного меня она поднесла к умирающему отцу и сказала в отчаянии:

– Если ты умрешь, я твоего новорожденного сына положу рядом с тобой в гроб!

Отец нашел в себе силы сказать ей:

– Как хочешь, но я уже не поднимусь. Этой невесты с косой ни пеший не обойдет, ни конный не объедет. Все, пришла за мной, в головах стоит... А тебе никто не позволит живого с мертвым хоронить. Пусть с Богом растет. Может, на старости лет тебе кормильцем станет.

Потом с силами собрался и говорит:

– Как помру, так ты через сорок дней прими в семью другого мужика. Я сестрам скажу, они сосватают.

Через неделю он умер. Было ему 36 лет, а маме моей 33. У ее на руках оставались пятеро. Три сына и две дочери. Старшей – 11 лет, младшему, то бишь мне – неделя.

А надо пахать, сеять, косить... Весна звала в поле. Колхозов то время еще не было. Единично жили. А какой мужик на себя такое ярмо оденет, вдову с пятерыми. А мама красавицей была...

Сестры отцовы наказ выполнили. После сорокового дня привели жениха в дом. Совсем молодого. Двадцати пяти лет от роду, на восемь лет моложе матери.

И эта молодость сыграла злую роль. Александра, так звали его, как молодого, сильного часто стали отправлять в длительные отлучки на лесозаготовки, на лесосплав. И матери опять приходилось тащить на себе все крестьянские заботы.

А потом и вовсе забрали его на Финскую войну, которую прошел от начала до конца.

От нового мужа мама родила еще двух дочерей. Но двух дочерей семья наша потеряла. Одну от первого брака в возрасте семи лет, другую от второго – в младенчестве.

Крестьянская жизнь и от детей требует крайнего напряжения сил... Как это ни печально, но слабых она отсеивает... Естественный отбор.

Вот и мы, поплакали, поплакали, снесли на кладбище малых деток, положили рядом с первым нашим отцом и стали жить дальше.

...До войны я успел закончить с Похвальной Грамотой Мальцевскую начальную школу. А в первый год Великой Отечественной поступил в Верховскую семилетку и так же с Похвальной Грамотой закончил ее.

Шла война. Отчим воевал на фронтах Отечественной. Не было ни поесть, ни одеть, ни обуть. И мы с матерью как-то вечером подумали, подумали и решили, что на этом я свое образование продолжать не буду. Пойду работать в колхоз. Было мне в ту пору не полных пятнадцать лет.

А тут из Чушевиц приходит известие, что меня ждет тетя, сестра моей матери. Нужно было помочь ей расколоть дрова. Она работала медицинской сестрой в больнице.

Мать и говорит:

– Надо помогать! Поезжай!

И когда я пришел в Чушевицы, то тетя повела меня не дрова колоть, а взяла за руку и отвела на квартиру к директору школы Анне Васильевне Беляевой и просила, чтобы меня зачислили в восьмой класс. Анна Васильевна была больна и лежала с простудой, но нас приняла и дала согласие на мое зачисление, хотя на календаре был уже декабрь.

В Чушевицкой школе работал учителем физики и математики эвакуированный из Ленинграда преподаватель. Тетя сходила и к нему, договорилась, чтобы он позанимался со мной сверхурочно, чтобы я смог догнать восьмиклассников.

И он стал заниматься со мной. За вечер мы проходили по две-три темы. У меня была хорошая подготовка. Тогда Похвальные Грамоты за красивые глаза не давали.

И хотя в первом полугодии я занимался один месяц, учебный год я закончил на «хорошо» и «отлично». Но на этом в обучении временно пришлось поставить точку. Школу, как бы теперь сказали, оптимизировали. Девятый и десятый класс были переведены в Верховажье. В Верховажье учиться у меня не было возможности.

Тем временем закончилась война. Была весна 45 года. Итог ее для нашей семьи был печальным. Погиб в самом начале войны в Белоруссии старший брат 1921 года рождения, под Сталинградом погиб брат 1923 года рождения. Отчим Александр Алексеевич Игнатъевский прошел и вторую войну от звонка до звонка, награжден орденом Красной Звезды, был тяжело ранен. Эти войны и ранения не прошли даром. Он умер в 49 году...

К концу войны из семерых рожденных мамой детей осталось только трое: я и две сестры... Правильно сказал умирающий отец маме: «будет тебе на старости кормилец». В колхозах тогда пенсий не давали.

И вот я начал свою официальную трудовую жизнь в должности счетовода колхоза «Красная новь» в селе Пеженьга.

Колхоз тот, как и все колхозы того времени размерами был не больше рукавицы. Техники не было, одни лошади, коровы ютились в развалюхах... Рабочих рук не хватало. Мужики, какие ти были – калеченые. Какие тут результаты?

Вот сидел я целые дни и подбивал колхозные счета, дебет с кредитом сводил. Закон был один: выполни планы и обязательство перед государством. А уж после этого, если что

останется в закромах – можно разделить колхозникам. Про то время много написано книг. Как за колоски, собранные после жатвы с земли садили, как за клочок сена, принесенный домой с колхозных пожен, грозили тюрьмой.

Поэтому я не буду останавливаться на этих обстоятельствах и множить жалобы на прежнюю колхозную жизнь и власть. Да, худо мы жили, бедно, порой впроголодь, но чести и достоинства не уронили. Понимали, что плохо не только нам, но и всей стране. И чтобы стало лучше, нужно лучше трудиться. Лучше учиться и еще раз трудиться, не помышляя о том, чтобы за счет других набить свой карман.

В колхозе меня, можно сказать, против моей воли назначили секретарем комсомольской организации. Я этому воспротивился и ничего не стал делать.

И вот через некоторое время меня вызывают в райком комсомола с отчетом о проделанной работе. Я хотел все рассказать там честно, что я не хотел, а меня избрали, потому ничего не делал и делать не хочу.

В то время у нас учителем в Мальцевской школе был Александр Федорович Хахлин. При встрече он и говорит:

– Ты в райком едешь с отчетом? А как же ты будешь отчитываться, если ты ничего не делал?

– А так и скажу, что ничего не делал.

– И чем все это кончится?

– Наверное, меня исключат из комсомола...

– Это не правильно. Куда ты без комсомола... Вот ты в армию скоро пойдешь, а там за тобой потянется этот хвост. На тебя будут смотреть, как на преступника. Ты себе этим все дороги в будущее перечеркиваешь. Ты вот что сделай: скажи, что опыта не было, ничего не получалось, что теперь ты знаешь, что нужно делать... И составь план участия комсомольской организации в колхозной и общественной жизни.

Я так и сделал. Удивительно, меня даже ругать не стали, и даже выговор не дали.

Первым секретарем райкома был тогда Макаровский Евгений. Это бюро меня сильно воодушевило. Меня не ругали, а поддержали.

По возвращению в деревню, я собрал комсомольцев, мы ликвидировали задолженность по взносам, пополнили свои ряды. Стали проводить субботники, воскресники по вывозке навоза, заготовке хвои. А по вечерам стали проводить в школе политическую учебу. Вести ее стал тот же Хахлин.

Это были такие интересные занятия, что на них стали ходить жители деревни всяких возрастов...

Бывало Хахлин рассказывает о мировом положении, обстановке в стране, комсомольцы сидят за партами слушают, тут стук в двери.

– Войдите!

А на пороге старичок под сто лет:

– Здесь комсомольцев политике учат?

– Здесь.

– А не разрешите и мне послушать. Шибко интересуюсь.

Комсомольцы смеются:

– Заходи, дедо.

– Только я не один, я со своей баушкой.

Не успеют они усесться, на пороге новые слушатели. Помоложе. Лет под восемьдесят...

И так полный класс набьется. На подоконниках сидят.

И такие порой дебаты начинаются по международной обстановке, что не надо никаких других посиделок и бесед.

И расшевелили деревню. И художественную самодеятельность организовали, и концерты, и праздники...

Весной мы закрепили комсомольцев за различными участками посевов, все лето ухаживали за ними, подкармливали их, пололи и получили очень хороший урожай.

...Как-то пришло из райкома письмо. Признаюсь, волновался, распечатывая. А там известие о том, что я должен выступить с докладом на пленуме райкома комсомола с опытом работы лучшей в районе комсомольской организации...

Но выступить на пленуме я не успел, потому что получил повестку о призыве на срочную службу в армию. Шел 1949 год...

Под андреевским флагом

Я попал в морфлот. Надо сказать, что во флоте служить было престижно. Многие мечтали носить бескозырку, попасть на боевой корабль, почувствовать на губах соленые морские брызги.

Я прошел строевую подготовку, присягу и далее, после соответствующей проверки, меня стали готовить к работе с секретными и совершенно секретными документами. С мечтой о корабле и морской романтике пришлось расстаться.

Я получил назначение на должность личного секретаря заместителя начальника штаба флота, капитана первого ранга Николая Александровича Макарова. И в последствии понял, что я ничего не потерял, а только приобрел.

Это была очень серьезная школа: дисциплины, порядка, человечности...

В мои обязанности входило получение и хранение и обработка поступающих секретных документов от Командующего флотом, начальника штаба и командиров частей флота, доклады непосредственному начальнику, рассылка их с резолюциями по отделам...

Но среди таких документов с грифом сов. секретно часто поступали и письма личного характера. От родителей матросов, проходящих срочную службу, личные просьбы и обращения подчиненных.

Мой непосредственный начальник был очень внимателен к этим письмам и требовал принятия решения по каждому обращению.

– За каждым письмом – человеческие судьбы. Нельзя людей оставлять без внимания и помощи, – говорил Макаров своим сотрудникам и мне в том числе.

Я старался выполнять доверенное мне дело с особой тщательностью, и Николай Александрович скоро стал называть меня своей правой рукой. Он был строг, требователен, но справедлив. Я мог входить к нему в кабинет без доклада, он знал все мои дела помимо службы, знал всех, кто у меня остался в деревне и просил в письмах к родным передавать от себя лично пожелания здоровья и успехов во всех делах.

Штаб флота находился в городе Балтийске. Там была расположена вечерняя школа. А я мечтал продолжить образование. Для того, чтобы приняли в эту школу нужно было разрешение начальника части. И я такое разрешение получил.

Мои служебные обязанности заканчивались в 18 часов, а занятия в школе начались в 19. Подхватив сумку, я мчался в школу и корпел за учебниками и тетрадями до полуночи.

По уставу отбой в части был в 22 часа. Я приходил в час, во втором. А вставать нужно было в 6 часов утра. Таким образом я спал на четыре, пять часов меньше своих сослуживцев. Но я знал, что нельзя расслабляться. Нужно учиться и учиться, чтобы изменить жизнь родной деревни.

А из деревни шли тревожные новости. Отчим сильно болел.

После двух лет службы мне положен был отпуск на родину. Не успел я оформить документы, как пришла телеграмма: отчим был при смерти.

Меня отпустили без промедления. И все же я не успел проститься с отчимом, который заменил мне отца и принял, как родного. Постоял у свежей могилки, погоревал. Но беда не ходит одна, говорят в народе. Слегла сестра. Болезнь развивалась стремительно. Пришлось вести ее в районную больницу, где ее сразу отправили на операционный стол. Слава Богу и докторам, сестру удалось спасти.

А дома оставалась мама в солидном возрасте... Нужно было помочь ей в домашних делах. И я дал телеграмму в часть с просьбой продлить мне отпуск на пять дней по семейным обстоятельствам. Отпуск мне продлили.

Трудовое студенчество

А впереди были три года службы. За эти годы я успел закончить девятый и десятый классы, сдать успешно экзамены. Мой непосредственный начальник Макаров не раз интересовался моими планами. Он говорил, что я могу остаться на сверхсрочную службу или поступать в Киевскую военно-политическую академию. Но к тому времени уже твердо решил связать свою жизнь с деревней.

– Как же ты будешь учиться вдали от дома? —Спрашивал Макаров. – Вот моя дочь учиться в Ленинграде, живет у тети, получает стипендию, а все-равно я каждый месяц высылаю ей по две тысячи рублей. Я не уверен, что твоя мать сможет тебя поддерживать из своей деревни. Какие там заработки? Слезы.

И действительно слезы. Война вытянула из села последние силы. Отдала все: и людей, и хлеб, и скот, и средства шли на прежде всего на восстановление разрушенного хозяйства в оккупированных районах. У великой страны не доставало средств, чтобы поддержать бесчисленные северные деревеньки, казалось бы отдавших себя всю на борьбу со смертельным врагом.

Поэтому я принял решение поступать в Ленинградский институт механизации сельского хозяйства. Я верил, что только машины выведут наше село из нищеты, избавят от непосильного труда. Написал заявление, отослал документы и мне в июле пришел вызов: экзамены с 1 августа. Но я еще находился на службе. Демобилизация должна была состояться только осенью

Но я говорил о человечности наших командиров. Невероятно, но меня отпустили из армии досрочно. Вступительные экзамены я сдавал во флотской форме. Приняли!

Знания у меня были прочные, поэтому поступить в институт не составило большого труда. Но что делать дальше?. На что жить?. Стипендии, как не крути, не хватит. Я съездил на десять дней домой и вернулся в 1 сентября в Ленинград. И началась студенческая жизнь.

Всю жизнь я тащил на себе воз общественных нагрузок. На флоте первые три года был секретарем комитета комсомола части. Тоже, я вам скажу, не баклуши бить. Ответственность. И еще какая.

.Все зависит от того, как к делу относиться. Можно формально, набрать цифр с потолка и отчитаться чеканным голосом. Можно по-другому: вникать в суть вопросов, видеть, как учил капперанг Макаров за каждой цифрой человека...

У меня была очень хорошая характеристика из армии и поэтому меня сразу ввели в состав комитета комсомола факультета, а уже на третьем курсе меня выбрали секретарем комитета комсомола факультета. Говорят, грузят на тех, кто ввезет. Но я не воспринимал общественную работу, как нежелательную нагрузку. Мне она была интересна. Но времени, как всегда не хватало. Не хватало денег.

Поэтому, как всякий малообеспеченный студент советских времен, я ходил по ночам подрабатывать. И не в подворотню. Нынче я слышал, некоторые подрабатывают разбоем в подворотнях. А я работал по ночам на железной дороге, где разгружал вагоны.

Так что получалось так. В армии я работал и занимался общественной деятельностью днем, а по ночам учился, а теперь я учился днем, а на жизнь зарабатывал ночью.

Мне было в ту пору 25 лет. Я был здоров, силен и настойчив.

Довелось побывать на целине. Это волнительные воспоминания на всю жизнь. Из вузов Ленинграда был сформирован целый эшелон студентов-добровольцев, желавших поучаствовать в грандиозном деле – освоения целинных и залежных земель. Сегодня спорят на поводу целины, надо ли было трогать эти вековые степи, что потревоженная плугами земля может стать бедствием для экологии... Конечно, можно было пойти по другому пути, вернуться к оставленным без внимания землям и деревням Северо-Запада и Центральной России.

Они бы накормили страну. Но для этого нужно было время. А целина могла дать результат мгновенный. А страна остро нуждалась в хлебе. И мы ехали, чтобы этот хлеб вырастить и убрать...

Какой подъем царил у пассажиров этого заряженного энтузиазмом эшелона!
В каждом вагоне звучала эта, ставшая мгновенно популярной песня:

– Эх, ты, дорога длинная!
Здравствуй, земля целинная,
Здравствуй, простор широкий!
Весну и молодость встречай свою.

Ехали мы в Казахстанские степи, в Павлодарскую область, совхоз имени Абая. Меня потряс вид бескрайних степей, темного золота хлеба под ветром, похожие на морские волны.

Жили в палатках. Резко континентальный климат давал себя знать. Днем стояла безумная жара, от которого негде было укрыться, ночью степь стремительно остывала, так что под утро зуб на зуб не попадал.

Мне доверили комбайн. Не зря комбайнеров называли тогда капитанами полей. Я готов был работать день и ночь. Бункер намолачивался быстро, не всегда машины успевали отвозить зерно. На глазах росли терриконы обмолоченного зерна. Я даже во сне, в мечтах не мог представить такого количества хлебов под открытым небом. Зерновые элеваторы не справлялись, техники, не смотря, что были мобилизованы все ресурсы страны, катастрофически не хватало. И в этом тоже был урок. Урок правильной, тщательной организации труда и планирования.

Я вернулся в институт с правительственной наградой – медалью «За освоение целинных земель».

Задолго до распределения я написал письмо в министерство сельского хозяйства РСФСР с просьбой направить меня на работу в Вологодскую область Верховажский район. Выпускников Ленинградского института на Вологодчину не направляли, потому что там свой институт в Молочном имени Н.В. Верещагина покрывал потребности области в кадрах сельского хозяйства.

Просьбу мою удовлетворили. Я еду домой. К матери, которая уже не молода и нуждается в поддержке.

Нижнее Кулое

Сначала я был инспектором по госсельхознадзору в Чушевицкой зоне, но уже через два месяца меня направили на хозяйственную работу заведующим межколхозными ремонтными мастерскими в Нижний Кулой.

Кулой – это красивейшая река, которая берет начало в озере Сондугском в соседнем Тотемской районе. В этих краях никогда не было крепостного права. Крестьяне были черносошными или государевыми, которые работали на государство, обеспечивая его валютой. А валютой в те времена были меха, живица или сосновая смола, вар, пек, лен, пакля. Строевой и корабельный и мачтовый лес. Лес этот справлялся по реке в Вагу, по Ваге в Северную Двину и далее на корабельные верфи Архангельска.

Нужно видеть какие дома строились крестьянами по реке, Кулой.

Настоящие деревянные крепости, про которые Белов писал, что крестьянский дом на Севере это подводная лодка в автономном плавании. Но деревня была к тому времени истощена.

В Нижнем Кулое ремонтные мастерские располагались в церкви.

До этого там была машинно-тракторная станция, которую ликвидировали, превратив в межколхозную ремонтную станцию, которую и возглавил я по решению бюро райкома партии.

Тепла в церкви не было. Слесари и механизаторы грелись около железной бочки, в которой горел постоянно огонь. Озябшие ремонтники большей частью грелись вокруг ее и на ней же разогревали еду, приносимую из дома. Все фрески были в копоти.

Я поехал в райком партии за помощью. Увы, секретарь сказал, что помочь мне не в его силах. Нечем... Нужны материалы, а фондов на них нет.

– А вот, поезжай-ка ты в Вологду. Походи по организациям, возможно что-то, где-то и сыщешь.

Я послушал его совета, но всюду, куда я приходил мне отказывали. И тогда я записался на прием к первому секретарю обкома КПСС Лонгунову.

Поразительно, но он меня принял, выслушал и помог.

В лесу в лесхимартели был старый брошенный котел. Мы притащили его в церковь, отремонтировали, из Вологды доставили нам трубы и батареи по ходатайству Лонгунова. И мы своими руками смонтировали отопление и на первом и на втором этаже. Сделали настоящие двери работа по ремонту тракторов и машин закипела...

Надо сказать, что народ был замечательно отзывчивый там. Достаточно было проявить к ним чуточку внимания, готовы были убиться на работе. С таким народом можно было при правильной организации труда свернуть горы.

Но все же хотелось вернуться домой, поближе к матери.

Однажды я был по каким-то делам в Верховажье и зашел в райком партии озвучить эту просьбу. Я попросился направить меня в колхоз «Верховье» механиком, но неожиданно получил предложение выставить свою кандидатуру на председателя. Там председатель колхоза попросил отпустить его по состоянию здоровья. Он был инвалидом второй группы.

И я согласился.

Верховье

Прежде нужно рассказать, что из себя представляло к 1960 году наше коллективное хозяйство «Верховье».

До 1950 года в Верховье, так называлась вся наша округа, были два сельсовета. Верховский первый по одну сторону реки и Верховский второй. Представьте, как плотно было заселена территория верхней Ваги.

В первый сельсовет входило пять колхозов. Они были тогда небольшими.

Это «Пятилетка Севера», в который входили деревни Сметанино, Жуково, Отводница. Этот колхоз объединял 35 хозяйств и 90 трудоспособных человек.

Был такой колхоз имени Калинина, в него входили деревни Фомина и Калинина. В нем было 37 хозяйств и 40 трудоспособных человек.

Колхоз «Красная Звезда» объединял деревни Кудринскую, Зимницы, Прилук, Кужиху, Собакино. В нем было 54 хозяйства и 64 трудоспособных.

«Красная новь» \Пеженга\ . В него входили деревни Мальцевская, Михайловская, Маклаковская и Семеновская. В них 60 хозяйств и 75 трудоспособных.

Колхоз «Победа». Деревни Слободка, Бакури..., Барханка, Сало...
87 хозяйств, 166 трудоспособных

Второй Верховский сельсовет на том берегу Ваги так же включал пять колхозов.

«Первомайский» в деревне Основинской,

«Красное Знамя» - Данилково с хуторами

«Молодой коммунар» - Киселево

«Стахановец» – Боровичиха

«Северный колхозник» – Щекотиха, Погибла и хутора.

Колхозы в том и другом сельсовете часто укрупнялись и разъединялись, но к шестидесятым за рекой был создан колхоз «Боевик», объединивший все эти колхозы-рукавицы.

А в первом сельсовете образовался колхоз Верховье.

А 12 февраля 1959 года на общем собрании принято было решение о слиянии слияние обоих в один колхоз «Верховье». Председателем колхоза избрали директора неполной средней школы Николая Павловича Трапезникова.

Николай Павлович принял это решение спокойно, не отказывался. Но ему не хватило воли и знаний, чтобы управлять таким разрозненным коллективом. Не хватало экономических, агрономических, технических, наконец, знаний. И созданный, собранный, сшитый, как лоскутное одеяло огромный колхоз, сразу стал трещать по швам.

В это время происходил переход колхозов с натуроплаты на денежные расчеты. «Верховье» не перешло, а переползло. Денег в банке не было, на счетах огромная картотека, ожидающих от колхоза расчетов. Людям за их труд не платили.

Анархия царила всюду. Никто никого не слушал, распоряжения председателя не выполнялись. Колхоз уверенно погружался в пучину банкротства.

Работа с кадрами отсутствовала. Доходило до того, что ухаживать за телятами было некому. И вместо телятниц на ферму ходил обряжаться секретарь парткома А. Г. Гуштин. За поросятами ухаживали по очереди работники конторы, в киселевской бригаде на ферме некому было доить коров.

Лен, который во все времена кормил северного крестьянина, был отодвинут на последний план. Сроки теребления, растила,

16. подъема его со стлиц затягивали. Часто он уходил под снег, а по весне его сжигали...

Мастерские по ремонту техники опять же располагались в церкви, которая день и ночь отоплялась из железной бочки. Но день и ночь ворота были нараспашку и температура в помещении была такая же, как и на улице. Вокруг церкви валялись кучи искореженного железа, тут же была кузница, тут же стояла заправка, бочки с ГСМ, с солидолом, нигролом...

Напротив церкви была потребсоюзовская столовая. Когда в нее привозили разливное пиво, механизаторы бросали работу и выстраивались в очередь с тарками. Унять их не было никакой возможности. Они могли послать начальство очень далеко.

А между тем, в объединенном колхозе катастрофически не хватало кормов. Голодная скотина на фермах кричала так, что казалось, от рева их поднимется крыша. Не было кормов даже на личных подворьях, не было и у председателя колхоза.

И вот в шестидесятом году 60, приняв колхоз, я вынужден был на стороне изыскивать корма как для общественного стада, так и личного скота в том числе и председателя колхоза.

Видя такое бедственное положение, Трапезников отказался от своей зарплаты и не получал ее. Колхоз оставался должен ему около 10 тысяч рублей на старые деньги.

Поклон льну

Естественно. Начинать надо с будущего. Нужно показать людям видимую, понятную, достижимую цель.

Лен – вот наше спасение – так думал я долгими зимними ночами за рабочим столом при свете керосиновой лампы..

Зимой 1961 года я был на совещании в области, на котором присутствовали многие хозяйственные руководители, в числе которых был знаменитый, впоследствии дважды Герой Социалистического труда, председатель колхоза Родина Михаил Григорьевич Лобытов.

То, что рассказывал он, на первых порах вызвало взрыв хохота. А дело было в том, что колхозники «Родины» вытеребив лен, везли его на асфальтовую дорогу. Через них проходила дорога на Москву. И вот они расстилали по асфальту лен, а проходящие автомобили своими колесами вымолачивали из головок льна семена.

Лен собирали и везли на стлище, сокращая тем самым сроки подготовки льна к сдаче на льнозаводы.

Мы слушали и не верили, лен давал хозяйству сумасшедшие прибыли, о которых мы только мечтали.

И вот по возвращении из Вологды я собрал правление, чтобы обсудить этот серьезный вопрос: как вырвать колхоз из бедности и откровенной нищеты.

Мы решили материально заинтересовать колхозников в получении высоких урожаев и высорких доходов.

В 1962 году льняное поле в колхозе составляло 125 гектаров. Всходы поднялись дружные, чистые, обещающие высокий урожай. Мы разделили весь лен на участки, закрепив за каждой семьей колхозников по пятьдесят, семьдесят соток. У некоторых было и по гектару. Мы объявили, что четверть дохода от сданной 18. тресты пойдет колхозникам на оплату. Но не по принципу уравниловки, а конкретно за результат. Ты вытербил свои пятьдесят соток, ты высушил в бабках лен, свез на колотилку, очесал, расстелил под августовские росы, снял,

погрузил на машину, поехал с нею на завод, получил справку о количестве сданной тресты с твоего участка, и качестве ее, может получить свои двадцать пять процентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.